

ПАОЛА УРУШАДЗЕ

(СТИХОТВОРЕНИЯ)

ПАОЛА УРУШАДЗЕ

SALVE...

(Стихотворения)

ТБИЛИСИ 2015

ISBN
733 (UDC)

© Паола Урушадзе. *Salve...* (Стихотворения). 2015 г.
© Тамта Кикалейшвили. Фотография на обложке.

*Моей дочери Екатерине Гегиа, а
также друзьям – детства, юности,
всей жизни...*

К памяти (ночь)

Люблю, когда без скобок, без купюр
Ты гонишь время – все мечты, все были,
Рассветы, грозы... вот и Радж Капур
По главной улице проплыл в автомобиле...
А следом – люди, сверху – птичий грай.
Пятидесятые... и птицы тоже в раже.
Безумцам честь за сны и за миражи, –
Пятидесятые... смотри – не заиграй!

Миражи, сны... не замирай, встряхнись, –
Мы долетели, мы почти у цели,
Мы на горе. Взгляни, скорее, вниз,
Там весь Тифлис! Там голубые ели,
Магнолии, и тот, огромный, тис,
Что рухнул навзничь на Страстной неделе.
Прислушайся – всё тот же птичий грай,
И ветер свеж, хоть и не так уж молод...
А он всё уменьшается, наш город –
Скорее, вниз! Успеем на трамвай.
А время молодеет. Двадцать пять
Годков долой... Три шага до подножки.
Но это не трамвай уже, а дрожки!
И к лучшему. В них можно и поспать...
Ну, а пока –
Гони!
Быстрее!
Вспять!

2014

О тех стариках

Наверно, вы правы – тот мир невозможен,
Уж слишком жесток, бесноват и безбожен, –
Недаром он рухнул – колосс...
В нём новости утром читались, как треба,
Зато за домами не пряталось небо,
Ночами так сладко спалось.
Вы скажете – «детство»! Вы правы, наверно,
И всё же там было не так уж и скверно –
Не только безумье и зло.
Вы судите только по чёрным приметам.
Оно так и было, но всё же, при этом,
Нам так повезло!

В том мире, по-вашему, полностью лживом,
Они были с нами, они были живы...
О, как мы любили прижаться – с разбега
К их душам – к теплу отшумевшего века...
Ни в школе, ни дома, ни в смуте вагонной
Он был нам не страшен – тот мир законный...
От мира иного лежали ключи
У них, не умевших ни лгать, ни учить, –
В худом портмоне...
Между книг...
За иконой...

2014

*Не вороши... там не осталось тайн, –
Сплошной сквозняк! Как на морском вокзале...
И сколько эти книги ни листай,
Они смолчат. Они – своё – сказали...*

О, не скажи... Недаром Морвокзал
Сверкнул блесной. Он тут не рифмы ради.
Играет музыка. Флажки, как на параде.
Всё от души. Никто не подсказал.
И он нам рад: «Пожалуйте, польщен...
Я тут на днях послал пассатам вызов,
Но передумал, – обойдёмся бризом,
Он тоже тайнами неплохо оснащен.
Но, кроме тайн, в нем что-то есть ещё,
Что неподвластно берегам и визам...»

И пляж уже не кажется миражем –
И вид всё тот же, и веранда та же:
Дощатый пол. Брезентовый навес.
Тут нам от шторма с вечера депеша,
Прочтём её, взволнуемся, опешим...
Она не спешная, но в ней полно чудес.
Пусть для кого-то это хлам и тина –
Ночной кошмар на утреннем песке,
А нам волной обглоданный ботинок
Уже сказал, где он бывал и с кем...

Смотри, смотри, не отрываясь – в оба,
Она тебе не кажется Ниобой
Та – одинокая – коряга на скале?
А скалы в море – граждане Кале –
Вот-вот, и двинутся – им море по колено...
А там, вдали... он вырвался из плена,

Когда-то в море канувший корабль.
Он невредим. Его никто не грабил...

Но мы мешаем... Отойдем в сторонку.
Тут дети снова гонятся за крабом,
И краб опять выигрывает гонку
Своим, никем не превзойденным, драпом –
К себе!
В песок!
В шуршащую воронку.

А кто-то тихий взял уже на мушку
Те – к валунам прилипшие – ракушки.
Он в этот миг Али-Баба и Крез.
Он, как и мы, не верит этой чуши:
В таких ракушках не найти жемчужин...
Давай, попробуем...
Жаль, времени в обрез.

Мы не увидим, как сойдут на сушу
Сто лет назад пропавшие матросы,
Мы так их ни о чем и не расспросим,
Они, увы, не нам откроют душу,
Прося взамен – кто ром, кто папиросы.

Что ж, не беда... Попозже наверстаем.
Ну, а пока мы просто полистаем
(Хотя он тут и вовсе ни при чём) –
Тот неожиданный, тот глянцевый гостинец –
Журнал, забытый судовым врачом
В одной из старых
Гагринских
Гостиниц...

2013

Богатство (Из детства)

Оно было везде – в борозде на коджорской дороге,
На церковном кресте, в тополином листе на пороге,
В торопливом прохожем – по внешнему виду –
обычным,
В новогодней звезде, в придорожном кусте
ежевичном...

Оно было везде... Ты его уловил, и готово –
Ты другой, ты в игре, но не знаешь ответного слова,
И не знаешь, как быть, и не знаешь, куда тебе деться,
То ли к тополию взмыть, с невидимыми птицами
спеться,
То ли тихо кружить по проулкам безгласным и узким,
То ли с криком нестись по крутому Верийскому
спуску...

Оно было в тебе... но слова с ним не смели тягаться,
И при чём тут они, – при таком-то несметном
богатстве?
И к чему, и на кой, когда мир так огромен, так лаком,
Его мерить строкой
и гасить
восклицательным знаком?!

2011

О том, что всё меняется, течёт,
молчало море. Гладило, ласкало,
но временами всё же пропускало
две-три волны с насмешливым оскалом,
но ты не принимала их в расчёт...

И время тоже не всегда молчало,
но вечно путало: конец или начало?
Или мычало – смысла не понять...
Оно текло в каникулы и лето
всё по тому же старому билету
и тем же ходом возвращалось вспять...
А в зимний вечер укрывало пледом,
но о себе не подавало знака.
И в сотый раз... и каждый раз инако:
кому-то кто-то был до смерти предан,
дышала ночь... гремел прибором Канака...

2011

Подвал

Внезапно, среди бела дня,
Прошёлся дождь, слегка звеня,
И вдруг дохнуло адом...
Подвал... но, явно, не из тех –
Духанов для мирских утех,
Для пиршеств до упада, –
Скорей из древних, нежилых,
Из тех, чьи своды тяжелы,
И тайный ход ведет к реке...
И вновь без скарба, налегке,
Они бегут к излуке,
Бегут от ядер и резни,
Бегут оборваны, грязны,
Бегут, выстраиваясь в ряд,
И что-то тихо говорят,
И с ними дети... слуги!..

Век восемнадцатый. Не мой.
Но отчего случился сбой?
Наверно, дождь тому виной.
Слепой...

2011

А. Пятигорскому

День до сумерек не дожил, –
Не прочтён, не подытожен...
Кем же был он – тот прохожий
В допотопном макинтоше,
Наугад махнувший шляпой
Из (ленд-лизовского) фетра?

Ель подскажет,
Дрогнув лапой,
В день,
 когда не будет ветра.

2014

Во двор! Во двор!

Повальный грипп. Весь город в карантине.
По лестнице, как по отвесной льдине,
Скатись во двор... Он знает заговор
От всех напастей, горестей и казней –
В такие дни нет друга безотказней,
Чем старый двор...
Ни злобы, ни корысти...
Тебе, тебе! – на вырост, на стихи
Весь этот сбор осенних трав и листьев.
Пока они шуршат, пока они сухи,
Пока их не смололи до трухи
Худые холода и злые ураганы,
Скатись во двор и прежним дурачком
То вороши их, то кружись волчком,
То, затаив дыхание, ничком,
С размаху, падай в ржавые курганы,
Чтоб надыхаться ими допьяна,
Наслушаться... Не думая, при этом,
О том, что всё вокруг когда-то было летом –
Июлем, Августом... (какие имена!).

2014

Где ширма с райскими цветами
И ваза с тройкой камышей?
Где фрукты из папье-маше,
Бювар со старыми счетами
Или хрустальное яйцо,
Что и во мгле могло светиться?
В нём тоже пряталось лицо
Нездешней птицы...

А где те кресла и диван,
Куда потомок их девал?!

Они уходят – те, кто старше...
Еще и тем уход их страшен,
Что гаснут, словно угольки,
Подъезды, окна, уголки...

Но чьи-то вещи, чьи-то платья
Еще о чём-то говорят...
Пока. Надолго их не хватит –
Истлеют, съёжятся, сгорят,
А, в лучшем случае, оплатят...
Дорогостоящий обряд...

2011

Отрывок

...Ну, а потом?
Неужто суп с котом...
А после – ни стиха тебе, ни песни, –
Темно и глухо – не пройти, хоть тресни,
Кромешный мрак. Одна сплошная топь,
А следом – тьма травой заросших троп,
Ну, а потом? Потом ещё чудесней...
Совсем неожиданно, и скорей – в четверг
Дождем трескучим грянет фейерверк,
Но нам не скажут – в честь какой победы...
И песни перепетые (не счесть!)
Нам снова пропоют в её же честь,
Коврами застилая парапеты...
Мы сквозь нору, прорытую кротом,
Легко войдём в наш старый двор и дом,
Но не узнаем ни двора, ни дома,
И прочь уйдём – ведущий и ведомый –
В неведомое, вечное потом...
– И снова те же фейерверк и песни?
– Нет, что-то новое... и не в пример чудесней...

2013

Из детства

Пахнет акацией, пахнет дождём,
Пахнет землёю, а кажется – небом...
Кто-то из близких еще не рождён,
Кто-то вдруг взял и укутался крепом,
Стал неподвижен, угрюм и тяжёл,
А про него говорили: «Ушёл», –
Звучало нелепо...

У памяти много таких кинолент...
Гляди, у веранды дощатой
Кто-то водой заливает цемент
И вяжет, и вяжет лопатой...

Было и враз затянулось бельём...
В гости ходили, варили бельё,
И всё это было... было...
Помнишь, как пах тот куриный бульон
И то – земляничное – мыло?

2011

Муша
(подъём Белинского)

То к вершине, то с вершины
(Муравей с крылом мушиным!)
Всё тащил кому-то на дом,
Привязав к спине канатом,
Обветшавшие за годы –
То рояли, то комоды,
То спеша, то еле-еле.
Временами что-то пел.
И совсем он не хотел,
Чтобы мы его жалели...

Жили ярко, жили громко
В тех потёмках, в той низине
Эти странные потомки
Беглых воинов, визирей...

Ах, как были непохожи
На других – иноплеменных –
Эти дворничихи в кошах,
В пёстрых юбках неизменных,
Эти пыльщики в галошах,
В чёрных фартуках из кожи...
«Сулейман! Азиз! Фатьма!»
Тьма...

2011

Двор
(июль)

Он нынче беден, он почти что голь,
Как мало в нём от прежнего, от сада,
И всё же, как-то, тянет свою роль
За счёт туты, небес и винограда...

Туте-то что! Ей жаловаться грех, –
Неряха старая, а всё вольней, всё выше:
Давно пропали вишни и орех,
И можно дотянуться без помех
До наших окон...
До соседской крыши...

Была бездетной... в марте понесла.
Двор весь в крови от переспелых ягод!
И старый дворник, ошалев от тягот
Наследного, глухого ремесла,
Грозит ей карами.
Устало.
Не со зла...

2011

...Ад был в лавочке лудильщика –
Черти что-то там паяли,
Чёрт, играющий в носильщика,
Зло шипел из-под рояля...
И старик с мешком старья
Из того же был сырья...
И причём тут эти ахи?
Наше детство, да без страха,
Без глухих разрывов в сердце,
Без смятенья в животе?..
Страх приправой был к еде,
Позабористее перца.
Без него, без этой жути,
Меньше стоил бы наш рай:
Папе лучше, папа шутит,
Затянулся папиросой...
Ожила, вздохнула осень,
Покачнулась, и вперёд –
В день рожденья...
в Новый год...

2011

Новогоднее

До Нового года лишь пара секунд, –
«О, если б часы осеклись вдруг и стали!» –
Напрасно на чудо надеешься, старый,
Надумаешь скрыться, – везде засекут.

Куранты, будильник и старый брегет
Под локоть подхватят и мигом спровадят.
Что толку цепляться за спинку кровати,
Хвататься за стулья. Тебя уже нет.

Тебя уже нет. Ты для века – утиль.
Он молод. Он только в начале пути...
Давай, пожелаем ему – на авось,
Чтоб всем его детям спокойно спалось,
И чтоб не лепил он к доходам и льготам
Сравнение с тобою –
тринадцатым годом.

2014

Жук-навозник

Тут явно какая-то метаморфоза,
И он неспроста – этот шарик навоза,
А тот, кто сейчас по тропе его катит,
Когда-то вождём был бесчисленной рати.
Он был человеком. Он бога обидел,
И бог отомстил. Ты согласен, Овидий?
Ты прав. Далеко моей сказке до мифа, –
Комочек навоза не камень Сизифа...
И пусть он свой шарик по-прежнему катит
С востока на запад – по глади, по гати,
Вдоль пыльных обочин, поросших репеем,
И пусть остается, как был – Скарабеем...
А жизни хватает своих превращений,
И милостей божьих, и божьих отмщений,
И всякого рода коров и ослов в ней
В избытке, и все – с непростой родословной...

Коджори, 2014

Пингвины

У бездны вод на содержании,
У вечной стужи под опекой, –
Идут по льду, как каторжане
Из девятнадцатого века.

Куда идут? В какие дали?
Как в той пословице у Даля:
С какой тоски, с какой печали
Их шеи так равны с плечами?
Наверно, есть причины веские
И не простые – королевские...

Куда бредете вы, касатики?
В одних лишь мантиях... В Антарктике!

2015

Закат

Как будто все старые воры Багдада
Решили спастись от грядущего ада,
И всё, что имели, чем были богаты,
Отдали закату –
Агаты, рубины, кораллы, алмазы –
Всё, что награбили, наворовали...
Отдали, и разом застыли в намазе,
Видны только алые их шаровары.

Коджори, 2015

И. Ч.

Как хорошо, что я могу мечтать.
По сути, это всё, что я умею.
Немею, глухну...
Время мчится вспять,
Я вслед за ним...
Цепляюсь за камю,
За блузку тётушки, за воротник пальто,
Дверную ручку,
Вешалку в прихожей,
За сад Арто, за литерную ложу,
За чей-то тихий разговор про то,
О чём и мы толкуем – слово в слово –
Тбилисской ночью, под соседским кровом,
Бренча в мешочках фишками лото...

2015

Сухой мост

*Чай пили, ложки мыли,
По-немецки говорили:
Мы по лестнице бежим,
Мы считаем этажи,
Раз, два, три, четыре,
Делим, делим на четыре...и т.д.*
Старая детская считалка

Если знаешь, когда уходить со двора,
А когда возвращаться и жмуриться снова,
Знаешь, сколько шагов до крыльца золотого,
Петушиное слово – «пора – не пора», –
Это игра.

Если же ваш безупречный немецкий
Никому здесь не нужен, а дедушкин нэцке
Уже продан за грош, и вам не на что жить,
Если в старых карманах одни только дыры,
И вам нечего больше делить на четыре,
А в остатке сухом лишь одни этажи, –
Это – жизнь...

2011

Персидское консульство
(ул. Кереселидзе)

Л. У.

...А дом живёт – на удивленье прочный, –
Увит лозой (всё той же) виноградной,
И пряный запах сладости восточной
По-прежнему царит в его парадной.
И всё при нём, и всё – в былом порядке:
Фасад всё тот же – лишь слегка потрескан,
И те же латки на кирпичной кладке,
Как облака на потускневшей фреске...
К исходу мая он зовёт нас в гости,
И все, кто жив, по-прежнему нам рады –
Глициния, плащом раскинув грозди,
Спешит прикрыть погрешности ограды...
Бульжники под панцирем асфальта
Всё ещё дышат (с каждым годом тише)
И тоже рады, как и тот – косматый,
Неуловимый, что пугал нас с крыши...
Все звуки целы, целы вплоть до скрипа
Чужих ворот и щёлканья засовов,
И всякий раз приветствует нас липа
То тихим всхлипом, то негромким зовом...
Иных уж нет, а кто-то стал степенней...
И только он – случайное наследство –
Такой, как был... и мы с его ступеней,
Не нагибаясь, подбираем детство.

2014

Н. Р.

Всё хорошо, мой друг, всё хорошо –
Земля жива, да и луна всё та же,
И мир еще не весь распотрошён,
А значит, кто-то всё еще на страже.
И есть, кого любить, кого прощать...
Мы лишние в текущем переделе,
Но птицы продолжают верещать,
И ветви у сосны не поредели.
А главное, что есть, кого любить.
Всё хорошо, с чего бы нам не быть?
С чего грустить? И впрямь! И в самом деле!
Мы не одни, природа тоже с нами,
Ушедшие уже вернулись – снами...
Вчера был Новый год. Хлопушек канонада,
Сегодня вот весна!
Чего еще нам надо?

2014

Весна

Л.Г.

В ускоренном, почти безумном темпе,
Причём, без акварелей и без темпер,
Она одна раскрасила весь сад.
У грома тот же голос, тот же тембр,
Что год назад, что триста лет назад.
И скоро ливень по его команде
Перед крыльцом обрушится стеной.
Как хорошо темнеет на веранде...
А пахнет как! Грибами, стариной,
И чьей-то тайной... и она так близко –
Рукой подать... и, кажется, вот-вот
На дачный стол бесшумно упадёт
Чужой – неповторимой – перепиской...

2014

В укор крутому веку
Давно хотел старик
Собрать библиотеку
Из выброшенных книг.

Собрал и вскоре умер.
Представьте, сам игумен
Махал над ним кадилом,
Хоть в церковь не ходил он.

Отпел его задаром
И не жалел свечей
Игумен. Тоже старый...
И тоже – книгочей...

2013

Ну и выкинул коленце
Этот тихий фра Лоренцо, –
Был и славен, и учён –
Одного лишь не учёл:
Где любовь – там ум за разум...
Там решается всё разом,
И тем боле, если рядом
Враг, кинжал и склянка с ядом.

Вы теперь одни на свете,
Капулетти...

2015

Клену

Осыпал золотом брусчатку,
С лихвою выдал и карнизам...
А мне лишь ржавая перчатка
На подоконнике – как вызов?!

Внезапно набежавшим ветром
Мгновенно сдуло эту ветошь.
Но подожди... грядущим летом,
Залитый зеленью и светом,
Ты мне ответишь...

2015

Слезу незванную утри,
Прости обиды, –
Они не знают, что у нас внутри –
Чем мы набиты...

Да и зачем им это знать,
Да и зачем им зря гадать
(Таким колючим):
Кто мы, и с кем наш уговор,
Кто нас завёл, и у кого
Хранится ключик?..

А коль покрутит у виска
Перстом невежа:
«Как может чья-либо тоска
Остаться свежей –
Без человека... на века...
Одна... по сути?
Каким макарон? Где и как?
В каком сосуде?»

Вот тут ты можешь дать ответ
И даже приоткрыть секрет –
Страничку отогнуть слегка,
Сказать про способ старый:
«Хранить не в полости мехов,
А только в ёмкости стихов...»
И понадёжнее пока
Не выдумано тары.

2008

Опять не зря заволновалась высь...
Душа, не упусти, душа, не промахнись!
Я знаю, ты устала...но леток
Еще открыт, и жив еще медок
От прежних пчёл, чтоб сердце заиграло...
И даже в тех, далёких закромах,
Хоть многое разбилось в пух и прах,
Но и осталось, в сущности, немало –
И дождь, и снег, и самый первый гром,
И стук колес, и море за окном –
И всё свое... За чем же дело стало?!
Найди слова, лишь ты одна знаток,
Как отбирать, как ставить их в рядок,
Как отливать, как целиться в десятку.

Не промахнулась! Легкий хохоток,
И ты несёшься сквозь людской поток
В избытке счастья – гоголем – вприсядку...

2015

Времена года

Маечке, вдогонку...

...И снова лето, снова зной,
И словно для меня одной,
Как в именные праздники,
Открыты все запасники...

Ходи, смотри, перебирай,
Бери, смелее забирай –
Не подлежат учёту
Июнь... июль... Тут снова рай –
Немыслимый по счёту!..

Прибрежная волна

...И ничто в ней не ново –
Знаю всё наперед,
Скажет тихое слово
И назад заберет...
А потом, как набрякнет,
На мгновенье замрёт,
И такое вдругбрякнет...
И сама же замнёт...

Одуванчик

...И нисколечко не весит,
И при этом столько спеси
В этой маленькой головке,
В этой крошечной душе.

Взмах, невольный и неловкий...
Ветра легкое туше...

Занавеска

...Висит и сохнет, медленно дыша,
А в это время тень – её душа,
Упав на землю, бьется, как в падучей, –
То ляжет ковриком, то притворится тучей,
Волною, ниточкой... то вовсе не видна,
Чтоб вскинуться опять... Здесь, во дворе, она
Одна такая. Прочие стары –
Дом и деревья... Им не до игры.

Море... солнце... чайки кружат...
И вам кажется, что лето
Миг – и выплеснет наружу
Всё, о чём ещё не спето
Никогда, никем, ни разу...
А потом укажет лазы
К тайникам, где клады прячет...
Гаркнет ветер: «Чушь собачья!»

Или как-нибудь иначе...
Всё он знает, южный ветер,
И про море, и про сушу,
И про то, что – лето детям,
Только детям, только детям
Открывает свою душу...

...Сад пропёкся и сомлел,
Как на даче!
Видно, ангел пролетел,
Не иначе...
Стало тихо, сад заснул...
Ветер медленно раздул
Занавески...
Это кто же там чихнул,
Так не вовремя чихнул,
Так по-зверски?!

...Кыш, небо, кыш!
Не надо так смотреть,
Так можно запросто стереть,
А то и сжечь без всякого огня
И дом, и двор, и, заодно, – меня!
Как странно ты глядишь –
Растерянно и слепо, –
Обиделось на «кыш»?

Я не хотела, небо...

...Всё отдаленней от предмета
Бессонных дум... всё не о том...
В огромном саркофаге лета –
Бездонном, душном, золотом –
Я всё ленивей, всё блаженней,
А время сдвинулось... бежит!
И скоро день Преображенья...
– Ну, а потом?..
– Как Бог решит...

...Всё глуше голоса на пляже,
И не понять – там кто-то пляшет
Или ломает руки в горе?
Ну, а меня, – меня всё дальше
Относит в море...
А небо всё синей, всё краше,
А море всё теплей, всё глаже,
Слегка рябое...
Нет-нет, да пробежит барашек –
Привет приборя...

Туман невесомой поклажей
Улегся на доски причала, –
Полоска безлюдного пляжа
Теперь уж вконец одичала...

Но это ещё не беда –
Осень еще молода.
Нескоро прикажет «грабь!» ей
Рыжий ноябрь. Пережди
Все эти туманы, дожди,
И лето объявится – бабье...

Очнётся и пляж, и причал,
Совсем по-иному крича,
Чайки помчатся к просвету...
И всё они знают при этом,
Всё – и про то, и про это,
И чем отольётся лету
Короткая

бабья

победа...

...Еще октябрь...
Но всё уже не то –
ни сад, ни изгородь,
ни тень ее резная...
Лишь бабочка
в распахнутом манто
бежит, бежит...
Куда?
Сама не знает...

На небе ни одной звезды,
И небо близко – час езды,
И с виду – всё в порядке.
И не узнать тому, кто спит,
Что город болен, весь горит,
И даже склон Святой горы
Трясёт, как в лихорадке.
Весь день гуляли сквозняки
По обе стороны реки,
И вот, глядите, обе –
И та, и эта сторона
(И новострой, и старина) –
То вразной, то, как одна,
Заходятся в ознобе...
Болезнь уже вошла во вкус...
Но время, вправду, лечит –
Снег утром выступил, как флюс,
И сразу стало легче...

Снег

Ну, и что он тут наляпал
В этот, свой последний, вечер?
Накидал еловым лапам
Шкурки ветхие, овечьи...

А чехлы его и шали
Все грязны и все в прорехах.
Он их сам порвал в запале?
Сам марал их, ради смеха?

Под ногами не захрумкал,
Не приник пушистым умкой
К старой липе, как бывало...
Раздает себя по горстке, –
Где все искорки, все блёстки,
Горки, думки, покрывала?!
Но весна еще в дороге, –
Где плащи его, где тоги?!

Поспешил... А, может статья,
Пожалел: ведь с ним – убогим –
Будет легче нам расстаться...

Наша весна

Пришла, и сразу же – вперёд!–
То по холмам,
То вплавь, то вброд,
То ветви рассекая...
Умерь свой ход,
Ведь через год
Придешь не ты – другая.

Слиняла с вишен белизна,
За миг. Была, и нету...
Ты вся, как девушка, весна,
Несущаяся к лету!

2005–2015

Голуби

...В глазах – то изумленье, то ленца,
Порой и впрямь их облик непорочен.
Все взрослые – ни одного птенца,
И неизвестно, где проводят ночи,
Где гнезда их? Вопрос не так уж прост –
Вопрос о городе, вопрос о тайне гнезд
И голубей,
И воробьев...
И прочих...

2014

Как это было...

Прощальная симфония Гайдна...

Сочтя себя на этом свете лишним,
Ушел миндаль, за ним ушли все вишни,
По мартовскому снегу семеня.
Едва успев отбросить семена,
Был тополь увезён, как воин на лафете.
В последний час с ним, говорят, был ветер,
Наш старый ветер – вечный книгочей,
Он провожал его без помпы, без речей,
Шепча вослед: «Есть многое на свете...»

2013

А нашу туту обкорнали...

Годами нам застила дали,
Спасала от солнца в зените...
Зимою в окошко стучала,
Кричала: откройте, впустите,
Без вас я совсем одичала!

А летом была нашим лесом,
Прохладой, защитой, завесой...
Теперь – без листвы её пышной –
Ей впору быть тумбой афишной...

Но всё же живая, и дышит...
И, может, годков через восемь
Станет и краше, и выше,
И не беда это вовсе?..

Зато нам открылись все дали
И поздние вспышки заката,
Нюансы, подтексты, детали
В причудах текущего марта,
Навесы ларьков и лабазов,
И плоская крыша ломбарда.

Погибли Микены и Спарта...
Беда ли – «туту обкорнали!»

2014

В раю

По сути, здесь тот же нехитрый набор:
Лето и двор, птичий гомон и вздор,
И сам ты в – навыворот – обновке,
Гнёзда паучьи в дворовой стене,
Тень от сосны на сырой простыне,
На гравии тень от верёвки...
Те же деревья и тот же сарай,
И остов трофейной машины,
И так же про свой, про заморский рай
Поют в ней клаксон и пружины...
А кто-то чужой снова входит во двор –
Как видно, забрёл до срока...
Новый сосед? Или, может быть, вор,
Тот, что украл наш любимый ковёр –
Старинный ковёр... с Востока?..

2011

Ангел-хранитель

Он весь любовь, он весь забота,
Пасёт тебя с утра до вечера:
Вдруг, не дай бог, обманет кто-то,
Вдруг сам обманешься доверчиво,
Или пойдешь не той дорогою,
А там беда, а там напасти...
Пасёт и поминутно трогает
Губами – лоб, рукой – запястье...

Но иногда он отвлекается
(На ерунду, по их понятию),
За это время жизнь кончается,
И горько плачет он и кается:
«Всего на час зашел к приятелю...»

2011

Осенние листья

Один, другой... вдруг разом – десять!..
При этом ничего не весят, –
Но как летят!
Навек запомниться хотят:
Ноябрь. Их последний месяц.

В июле даже камнем метким
С насиженной не сбить их ветки, –
А тут – так тихо, так достойно,
Без слёз, без ропота, без стона
Крепчайший рушится союз.
Без слёз? Настаивать боюсь.
А вдруг нам выключили звук,
А коль повысят на полтона,
Не дрогнет ли земля от стона
Осенних, ласковых разлук?
Ты так не думаешь?
А вдруг...

2013

Тост

Звегинцевым, офицерам...

За ваши погоны, мундиры и стеки,
За ваше «по коням!», за реки, за степи,
За белое солнце, за ветер и снег,
За то, что вам выпал Серебряный век,

За то, что он долькой отсекается от века –
От вашего века мне дар и опека, –
Дрожа и сверкая, как млечный настой, –
Серебряный месяц над чистой звездой...

За то, что и вы в той серебряной Мекке
Спаслись, затаились

навсегда...

навсегда...

2011

*Блажен, кто праздник жизни рано
Оставил ...*

А.С.Пушкин

Отправили в путь, а спросить не успели,
Когда же и нам этот прах отрясать?
Спросить бы вдогонку – во сне ли, в письме ли –
Но где их искать, по каким адресам?!
А впрочем, не стоит. Всё проще простого –
Чем раньше уходишь, тем меньше забот.
Вот прадед ушёл до ухода Толстого,
Как надо – во сне. Он проспал свой уход.
Серебряный век с его матовым блеском
Угас без него, а семнадцатый год,
На вескую поступь сменив арабески,
На невском мосту с оглушительным треском
В его сыновей разрядил пулемёт...
На невском мосту, над кипящей Невой...
Без него... без него... без него...

2014

...Так, значит, опять не понять и пенять
На след на газоне, на сбитые урны,
На прежнюю знать и на новую рать,
На чьи-то разбитые в спешке котурны...
На век, что без спросу разумное сеял,
На дурней, на книжников, на фарисеев,
На венскую школу (свидетель Набоков),
Всезрящее око (всё те же масоны...),
На смерч, на муссоны, на дыры в озоне.
И снова (в итоге) свалить всё на Бога:
Он знает, он видит, где прячется зло...
– Дружочек, уймись. Эк тебя занесло!

2011

Умерь воображение, поэт, –
Иначе ты такое наколдуешь –
Нас всех отсюда за мгновенье сдуешь.
Умерь воображение, поэт!

Рисуй грозу, цветы рисуй... рассвет –
Ты в этом деле чист и непорочен, –
Но не касайся самых страшных бед –
Войны, землетрясения и прочих...

Не ты ли ненароком напороочил,
Когда глядел в тревоге на луну,
Нам ту неожиданную короткую войну?
Вообразил. В деталях был так точен,
И что-то там проговорил...
Не к ночи...

2014

Сепия

Есть странное свойство у пасмурных дней,
У дней без окраин, у дней без теней.
Они возникают в оконном проёме,
Как старые снимки в семейном альбоме –
Любительской съёмки, не слишком удачной –
И лица, и город, как в дымке табачной...
Но главное свойство, пожалуй, не в этом –
Обидно, что тем же безрадостным цветом
(Ругнем, заодно, и морских каракатиц)
Окрасится всё, что на душу накатит.
А катит всё больше какая-то дикость:
Туманы, рыдваны, разносчики (Диккенс?!),
Мосты и бездомные дети – наплывом,
Прохожий бежит, озираясь пугливо...
И снова бездомные дети – рапидом...
Какой-то старик своим старым обидам
Мне прямо в лицо улыбается горько...
А кто-то в каморке, за ветхой конторкой,
Итоги подводит на жесткой бумаге...
И плачут в, листвою забитом, овраге
Мои звездочёты, кудесники, маги...
Рожденное слово не станет Сим-симом.
Чем пасмурней день,
Тем он невыносимей!

2014

В шестнадцать...

Грузинского хлеба хрустящий плавник,
Дырявая долька швейцарского сыра.
На улице осень, на улице сыро,
И даже наш тополь слегка, но поник...
Раскрытая книжка (ей чайник опора)...
Но всё это явь. Она кончится скоро,
И снова за дело возьмутся мечты...
А в них в сто каратов сверкают росинки,
В них море синей, чем цыганская синька,
В них всё, что сбылось, совершилось.
Почти...

2014

...И будет тебе весть
Из облачных империй:
Там гурии и пэри
Изволили расцвести
И райскою рассадой
Летят в сады Багдада,
А птица Рух из ада
Летит наперерез,
И жив еще замес –
Ночной Шехерезады...

Эх, кто был так жесток,
Кто захватил и пропил
Наш сказочный Восток,
Придуманный Европой?!..

2011

У трех сосен

Н.Т.

Ах, как нам было хорошо!
И небо – наше,
Море – наше,
И дикие просторы пляжей,
Захочешь – плавай нагишом,
Никто и пальцем не укажет...

Ах, как нам было хорошо –
Читать чужую чушь на скалах...
Транзистор. Голос из Ла Скала,
А то и вовсе голоса...
Помехи, треск. Я их не слышу,
Да и к чему?! Его глаза...
И медленно сползает крыша...

А то, что воздух заражен...
И можно уловить душок...
В гробу мы это все видали.
Мы были молоды, дружок:
Он был прекрасен – наш лужок,
А впереди
 синели
 дали...

2013

Корабельщики, не плачьте, –
Он уже несётся с мачты,
Крик, которого вы ждали
Каждый день и каждый миг...

Только всё не так уж просто,
Приглядитесь те, кто ростом
Выше прочих, – там не остров,
Там всего лишь материк...
И его давно открыли...
А вы плыли, плыли, плыли,
И куда глядели? Ввысь...
Всё мечтали, а над вами
Плыли пальмы и вигвамы.
Фиг вам пальмы! Осеклись...
Вот и снова – фиги, брига
Живы только в старой книге,
Там и остров, там и остов –
Чьи-то кости, чей-то знак...
Там любой тебе простак
К кладу выплывет из ада...
Ну, а с вами всё не так.

Ну, не плачьте же, не плачьте –
Вы, внизу, и ты – на мачте
(Ну, совсем, совсем, как дети!).
Всё не так... Виновен ветер –
Это он разбил штурвал,

Ваши сказки он урвал...
Пьяный ветер, ветер-вор.
Его ищут...
До... сих... пор...

2011

Дневной сеанс

... Не ты ли бег времени мерил когда-то
Воскресными днями и праздничной датой?
И что было мерить?! Навечно дано,
А смерть это нечто – театр... кино!
Но стоило выйти из темного зала
И всё, что судьба наперёд предсказала,
И то, что на завтра могло быть уроком,
Терялось. Бесследно. В мгновение ока.
Домой? Но зачем? Ещё нет и пяти.
Поддакивал город: весь день впереди!
И можно неспешно брести под опекой
Фасадов и кровель минувшего века,
И птичьего грая в платановых кронах.
Шли мимо актеры в незримых коронах
И с ходу привет посылали поэтам...
Помедли, мгновенье! – кто думал об этом...
Все эти кумиры, чудесники, боги
И бронзовый пастырь в гомеровой тоге,
И плющ – водопадом, и люди – потоком,
И те, что тебя окликали из окон,
И лица знакомых в толпе быстротечной
Тебе говорили о жизни, о вечной...
А смерть и вся эта загробная темень
Входили в сюжет, как побочная тема –
Как нечто, подобное сумеркам в сказке
Для вящего света в счастливой развязке.

Так что же случилось? Что в мире стряслось?!
Еще до седых ты не дожил волос,
А время как будто с цепи сорвалось...

И что-то немое, без капельки плоти
Всё чаще в знакомые двери колотит.
Всё чаще на небе смыкаются шторы –
Уходят поэты, уходят актеры,
И гении места, и те, что далече,
А время проходит, а время не лечит...
Вы вровень идёте, при этом попутно
Ты ход его меришь подробно – по будням...
Ты больше не вечен.
Порой, на рассвете,
Когда тебя будят – то ливень, то ветер,
Вдруг диву даешься – целехонький, весь –
С руками,
Ногами –
Ты всё ещё здесь!

2013

Она еще в силе, она еще длится,
Заморского гриппа глухая седмица,
И пусть себе длится, загвоздка не в этом, –
Закончилось всё, что осталось от лета,
Закончилось разом, – последнюю просинь
Вчера затянула, не мешкая, осень.
И разве не ясно – нам с августом крышка –
Мёртвые бабочки, ветхие книжки.
Ветер – один лишь – в их тайну проник:
Им же развеянный
Лета дневник...
Да и какие тут могут быть песни –
В разгаре болезни?
Вот так и ответила, а не иначе,
Не замечая, что стих уже начат...

Коджори, 2011

Я продлеваю наслаждение...
Я стих не обрываю разом.
Чтоб задержать его рождение,
Тяну, тяну с последней фразой...
В душе обкатываю нежно –
Шепчу, баюкаю, ласкаю...
Пока во мне он –
Жизнь безбрежна,
И так темна и безнадежна,
Когда его я...
отпускаю.

2015

Душа и стих

Не надо, не спеши. Они пока едины.
Не обрывай до срока пуповины.
Повремени. Пускай уж до конца
Она докормит первенца... птенца.
Не торопи слова ценою в грош.
Немного подожди...

и ты *своё*
возьмёшь.

2012

Творчество

Ты пьян от первых слов,
И вдруг, как током, дёрнет:
Ты опьянел от дёрна,
Ты взял лишь верхний слой...

А яхонт и опал?
А изумруд глазастый?
Копай, еще копай,
Без устали, пока
О крышку сундука
Не осечётся заступ...

И пусть в ответ на это
Не отзовется лето
Ни сполохами света,
Ни громовым раскатом...
И шифр не разгадан,
И ни единой щёлки!..

Чтобы тихонько щёлкнуть
Замочком на портфеле,
Для старого замка
Довольно и кивка
Сосны, каштана, ели...

2011

Стих

Он во сне был безупречен...
Нет его. Ушёл. Засвечен
Первым утренним лучом.
И гадай теперь: о чём
Он глаголил до рассвета.
А ведь был хорош – на диво...

Невозможно, чтобы где-то
Не осталось негатива!

2014

Утром

Непредвиденный заране,
Стих проснулся, как желанье,
И сейчас же, сгоряча,
То крича, то бормоча,
Сам себя же в полутьме
Начал складывать в уме,
Рифмы весело тасуя:
Эта – в точку, эта – все...
Накалился докрасна,
Но неожиданно – мать честна! –
За окном проснулся город,
Ухватил себя за ворот
И встряхнул, и началось –
Загудело, затряслось...
Стих зажался, как улитка, –
«Неудачная попытка!»
Потерял былой запал,
Разом выдохся, опал...

Но ведь так уже бывало
После первого провала
У товарищей твоих.
Ты еще вернёшься,
Стих...

2012

Душа

Чем жарче просишь, тем она
Сильней скупится,
То беспокойна, то темна,
Не подступиться.

То вдруг уйдет к себе, в забой,
Закроет двери за собой,
Замкнёт на ключик...
Но прежде – холодно и зло –
На ветер бросит пару слов,
Сухих, колючих...

Ну, а бывает – ни гроша,
И беды грудой,
Да и луна нехороша,
И солнцу худо...

И эта жизнь – она и впрямь
Юдоль печали,
И нет уже ни пап, ни мам,
Как там – вначале...

И вся, от нежности дрожа,
К тебе рванёт твоя душа
И что-то чудное в горсти
Протянет и шепнёт: «Расти!»

2011

Один лишь миг, и шум окрестный –
Весь этот гомон, эти крики –
Затушит смешанный оркестр
Вьюнков и ягод ежевики.

А корни... те уже с утра нам
Плетут цитаты из Корана,
Арабской вязью вдоль обочин –
Там подлинней, здесь покороче...

Тут всё недаром, всё непросто...
И этот ветерок с погоста...
Зачем нырнул он в лопухи?
Чтоб взволновать их и при этом
Невольно считывать с поэта
Ещё незрелые стихи...

Коджори, 2015

Разгар листопада... и липа не даром
Плечами поводит. Клён тоже в ударе –
Не зная, что выпадет: чёт или нечет,
Всё ставит и ставит, всё мечет и мечет...

А тополь уже отстегнул свои сотни
И замер в молчанье – сухой и высотный...

Не для меня этот ролик запущен:
Мальчик, ладонями щеки расплющив,
Смотрит в окно, не игрою намаясь,
А зорко и пристально, не отрываясь.
Не зная причины внезапной печали...
Не зная, что он уже там... на причале...

2012

...И что это было: случайность? просчёт? –
Те несколько слов, что просыпались в просинь...
Ты мигом склевал их, как зёрнышки проса,
Без лишних вопросов... и хочешь ещё...
Того же везенья, того же озноба...
Но это, по сути, лишь первая проба.
Ты даже не знаешь: а будет вторая?
Ты даже не знаешь: а что ты за птица?
Живи, как и прежде – с земли подбирая,
И радуйся крохам, мгновеньям, крупичам.
Не бойся разбиться – летай и глазей,
Не жни и не сей, а захочешь напиток,
Пей из копытца,
Из лужицы пей.
Сами спохватятся, сами отыщут:
В серенькой гуще один ты на тыщу –
Их воробей...

2014

Всё это мелочи... и главное не в этом,
Не в этих чайках, плачущих так тонко, –
Скорее в том, как безрассудно ветер
Трещит холстом забытого шезлонга,
Как он играет уголком навеса...
На горизонте возникает парус...
Ты чувствуешь, сосновым пахнет лесом –
Так пахнут доски, на жаре распарясь.
Как и другие, этот миг разыгран
Тобой не раз. Вопросник не исчерпан.
Ты по камням ступаешь, как по иглам, –
Один просчет, и ты уже ущербен,
Тебя отвергнут. Ты еще не избран,
Ты всё еще один из подмастерьев, –
Оступишься, и ты отчислен, изгнан –
Ни тайных встреч, ни сходов, ни мистерий.
Ну, а пока... ты всё ещё в запасе.
Все эти ветры, паруса и грозы –
Они не зря. И каждый миг опасен.
Но ты не знаешь... Это – *важный* козырь.

2013

Галактион

Ведь я об этом даже не просила –
Кому такое по плечу, по силам?!
Но нынче я у боженьки в чести –
Душа поет и счастлива без меры:
Неужто удалось перевести
На русский лад безумство «Эфемеры»?!

2012

Ты опять свою надела робу,
Ты опять над котелком колдуешь?
Зачерпнёшь половником, подуешь,
Отхлебнёшь и сразу мне – «попробуй!»...

Память, ты давно уже раскушена,
Думаешь, я глупая, незрячая?!
Ну, да ладно! Дай-ка вместо ужина
Твое варево...
Пока оно горячее...

2012

Et in Arcadia ego

Я вновь в Аркадии... Всё тот же коридор,
Все те же голоса – всё тот же старый вздор –
О прежних днях, о жизни, о рутине...
Что мне до них! Я снова с ноготок,
И город мой не город, – городок,
А школы все опять на карантине...
Всё тот же двор... он странен, он высок.
По-прежнему стоят – наискосок –
Чета гранатов, пара старых пиний...
Стою и я – индейцем на плато,
И мне немного холодно в пальто,
Хотя пальто всё то же – на ватине.
Но я терплю – без жалоб, без нытья...
Вокруг ограда старого литья:
Поставили, чтоб детям не разбиться.

Читаю по складам: Ке-ре-се-лидзе.
Так улицу зовут. На ней стоит наш дом.
Давно не наш – пришлось переселиться.
Об этом после... как-нибудь...потом...

2015

Кинотеатр

И.Ч.

Он прятался за тополями парка –
Он был открытый, деревянный, летний,
А на закате выплывал, как барка,
И звал к себе, на свой сеанс последний –
Тот, на котором стрекотали в лад
Во тьме мотор и парочка цикад,
И пахло влажными – травой и сиренью.
Над нами были не брезент и холст,
А небо черное и сотни летних звезд,
И облако вдруг проплывало тенью.
Был город полон доброты и мглы,
И мы в ту пору многое могли –
Могли всю ночь по городу шататься, –
И в каждое открытое окно
Глядеть, как в продолжение кино...
Галдеть, гудеть,
со встречными
брататься...

2013

Память

Сама не знаешь, что творишь, –
Тут усекла, там огранила...
Но ты – предутреннюю – тишь
Ты всё же целой сохранила –
Тот холодок, ту глушь, ту рань,
Тот сумрак, что уже не прячет
Едва намеченную грань
Меж летним городом и дачей,
То время с именем «чуть свет»,
Ты в нём впервые. Город странен –
В нём улицы, как на экране,
Окрашенном в лиловый цвет.
А за спиной – наш дом, наш щит.
И нет надежнее опеки...
А за углом уже трещит
Зеленый, старый студебеккер...

2015

Мужчины в мягких шляпах и в пальто
с широкими плечами.
Вы были инженерами, врачами,
учеными, и даже кое-кто
писал труды об Энгре и Ватто.
Мужчины в мягких шляпах и в пальто...
Кто знал тогда, что это племя канет
в небытие?.. Профессора, деканы,
художники – отменные отцы –
пусть не бойцы, но все же – могикане...
Ни в Каннах не были, ни на Ривьере в Ницце...
Закрылись перед вами те границы,
что нашим дедам были нипочем.
И все-таки, неплохо быть врачом
в увязке стран с единственной столицей.
К иным судьба была построже...
Вам повезло.
Но все же, все же...

Вас нет давно, и не узнать уже
какую боль таили вы в душе,
о чем вы думали, когда от нас таились.
Мы не спросили...
Вы – не поделились...

2015

Из цикла «К памяти»

Твой нынешний выбор мне мил и понятен,
Тем боле, что ты начинаешься с пятен –
С тех – солнечных пятен на листьях, на платье,
На мамином платье...

А раз это так, будь добра, и напой мне
О бликах из той же горячей обоймы –
На старых обоях, на книжной обложке,
На утренних чашках, на блюдцах, на брошке
Какой-нибудь гостыи... на скатерти чайной;
О бликах, мне верных, о бликах случайных,
О тех, что на миг заливали, как пойму,
Ночной потолок... Напоследок пропой мне
О давних лучах – тех незримых и шалых,
Что летнее утро доспать мне мешали,
Сон с явью смешали. И, видимо, с толком:
Казалось, на время... а вышло – надолго.

2015

Папе

И снова – давний дождь,
И снова в его шуме
Ещё никто не умер,
И скоро ты войдешь.

В одной руке – очки,
В другой руке – газета,
Очками в строчку: «Это
Не поленись, прочти»...

Прочла... А что, не помню,
И дождь уже утих.
И только этот стих
Остался от него мне...

2015

Школьное

Контрольная. Завтра. По родам и видам...

Придется расстаться, и с кем –

с Майн Ридом!

Но как оторваться? Я по уши в тексте –

Кассий Колхаун, Луиза Пойндекстер,

Бескрайние прерии, Морис-мустангер

И эти – несчастного брата останки

На верном коне, на коне без управы –

Сухой чапараль... гасиенда... койоты –

Как ловко сумел он уйти от облавы...

О, господи, боже мой, мне б их заботы!

2014

Тамте

Ты помнишь, как лебедя бросили,
Как он барахтался в просини
И что-то голосом тонким
Стае кричал вдогонку.
Даже внизу было слышно,
Как плакал он, брошенный, лишний –
Лебедь усталый, больной...
Не пережил поединка
С воздушной бездушной волной.
И в небе растаял...
 как льдинка...

2015

Из цикла «Память»

Из неведомой мне глуби
Выплывает старый рубль,
Остальное тоже мелко:
Допотопная горелка,
Позабытые обиды,
Чашка, с краешком отбитым...

Ну, а следом, как награда,
Но не сразу – постепенно:
Рокот неба, ропот сада,
Град, бегущий по ступеням...

2015

Лес (другой)

Он не из сказки – в нём не будет фей.
Пройдет старик, под ношей спину сгорбив,
Пройдет старуха – воплощенье скорби,
Просеменит по тропке скарабей,
Перебирая лапками трофей,
Отбитый утром у навозной кучи...
Под елью крот сухую землю вспучит,
Но даже носа не покажет. Лень...
Здесь только филин – весь в кругах, как пень,
По-прежнему глаза свои тарашит,
Его ты не увидишь, как и тех,
С кем мог часами вглядываться в чащу.
От них тебе остался только смех.

Порой, он слышится со стороны ручья...
Та сторона!
Она пока ничья...

2015

Книги

...А улица вновь загалдела, –
На этот раз без умолку.
А я тут сижу без дела,
Гляжу на книжную полку,
И нету у взгляда предела...
И нету для взгляда упора
У них, на меня глядящих –
Такое бывает у моря,
Только у моря...и в чаще.

2015

Я знаю, мои дорогие предтечи,
Вы всё мне расскажете после – при встрече...
Пока же об этом, всё громче, всё резче,
Со мной говорят ваши старые вещи,
Своими словами – то стуком, то треском,
О чём-то забытом – высоким и веском,
Что смыло волною, и сравнивать не с чем...
О чём этой ночью подробно – по буквам –
Долбил мне упорно столешник из бука,
О чём толковали, но с тем же успехом,
И шкаф платяной, и комод из ореха...
О чём и буфет с битой дичью на дверце
Скрипел,
 всякий раз
 обрывая мне сердце...

2015

Манане Роговской

Заболела, стала строгой –
Несмеяной, недотрогой.
Не простясь, ушла до срока...
Но хоть в этот вечер зимний
Постучи... и у порога
В шутку пальцем погрози мне...
Посидим до поздней ночи,
Похохочем...
Как умели, как бывало,
Да и поводов навалом.
Без тебя они иные –
Несмешные...
То смеяь, то пригрюнясь,
Вспомним детство, вспомним юность...
А потом... уже в прихожей,
Без смятения, без дрожи,
Я спрошу – а как там наши,
Как дела у дяди Саши,
У моих, у тети Ниты –
Как они – Здоровы?.. Сыты?

2014

Птицы

...Решили: не стоит тратиться,
Верстать их – забота пустая, –
И сразу же – выпав из матрицы, –
По небу рассыпалась стая...

А как бы летели – строчкой! –
В пути окликаая друг друга.
Неужто теперь в одиночку
Им добираться до юга?!

2015

Желание

Л.У.

Чтобы было много сосен,
Небо было синим, синим,
И была бы поздней – осень,
И слегка тянуло зимним
Холодком. А лучше – духом,
Тем – декабрьским, каминным,
И земля была нам пухом,
А не этим полем минным.
Чтоб опять открылись в ели
Те пещеры, те тоннели,
Входы, выходы и гроты –
Те, что взглядом мы проели
В незапамятные годы...
Над макушкой – глаз совиный,
Немигающий, упорный,
А на месте крестовины –
Та же хвоя... те же корни.

2014

Туман

Как странен папоротник, – дрожь
Охватит, только подойдешь:
Столетней давности падёж –
Ступаешь, как по рёбрам.
Вчера был зелен и упруг,
Так отчего ж он вспомнил вдруг
О времени недобром?
И лес, как много лет назад,
Пугает треском – из засад
До дрожи, до озноба...
Пускай... я на него не злюсь, –
Он угрожает – я боюсь,
А значит, живы. Оба.
И этот дождь... едва начась,
Уже иссяк. Хотя б на час
Оставь мне запах прели!
Мне скучно, лес... Туман исчез,
А солнце, не сходя с небес,
Уже пробило твой навес
И хлынуло сквозь щели...

Коджори, 2014

Коджорский лес

Заманит, затянет – дремучий и жаркий,
Зайдешь, заглядишься и станешь никем...
Проходы, просветы, кудрявые арки –
И все в никуда, как ворота Микен.
А то, что разбойник тут путников грабил, –
То нам на дорожку, на страшные сны.
А как это было? Спросите у граба,
У дуба второго и пятой сосны.
Пока же подышим смолою и хвоей, –
Он нынче в каноне, дышите вольней.
За старость без снов заплатил он с лихвою
Ценою прогалин, проплешин и пней.
Дышите, дышите, нам скоро по норам.
А, кстати, разбойник – он долго грешил?
«И строил часовни», – граб вывел тенором,
Октавою дуб: «Во спасенье души»...

2014

Вернешься и думаешь: Эх, описать бы
В стихах эти рощи, аллеи, усадьбы,
Но кто-то прошепчет: А стоит? А толку?
И взглядом укажет на книжную полку.
Там всё уже есть – и леса, и озера,
И реки, и роза на лапе Азора,
И сад, и в цветах утопающий дом...
А то, что ты ночью узрела воочью,
Оставь на потом...
И вправду оставлю, и впрок заготовлю
На случай, когда пронесется по кровле
Последний мой дождь и окно распахнет,
Безликая осень в лицо мне дохнёт,
Размоется грань между старым и новью,
И кто-то без слов
прошуршит к изголовью...

2015

Мы смотрим фильмы о войне,
Землетрясениях, цунами, –
Всё это где-то там – вовне,
С другими это всё – не с нами.

А с нами что? А с нами – Страх.
Теперь он бог. Земной, по сути.
Без войн, без виселиц, без плах,
За миг живьём стирает в прах
Истцов, ответчиков и судий.

Бурлящий кратер. Нет оград.
Вознице за молчанье трёшник.
Вам и представить это тошно, –
Но как об этом век назад
Мечтал один большой художник!..

2015

Хандра

Большое Я и маленькие яшки
В душе весь год неслись в одной упряжке.
И вдруг мятеж, и будто бес попутал:
Стреножат Гулливера лилипуты...

Душа, за мной! Душа, очнись! Бежим...
Теперь вся власть лишь маленьким, лишь им...
Тебя тут мигом превратят в душонку,
Нелепую напялят рубашонку
И нахлобучат с бубенцом колпак.
А захотят, такой напустят мрак –
Жить не захочется, такое напорочат...
Сама же взмолишься, чтоб стала жизнь короче,
Чтобы не знать, не видеть, не дожить...
Их надо было загодя глушить.
Теперь они сильны, они вольны, их много,
И в каждом страх, уныние, тревога.
Врываются без спросу даже в сны...
Не умирай. Такое уже было
Не раз, не два. Дотерпим до весны.
Она и так уже заходит с тыла.
Она придёт, развяжет все узлы...
Большое Я очнется от застоя, –
Оно покажет этим крошкам злым,
Чего они на самом деле стоят.

2014

...Что ж, ваш умысел мне ведом:
Приобщить хотите к бедам...
Чтобы всё, как у людей?
Чтоб глядели все с участием,
Чтобы жалили напасти
С каждым разом всё лютей...
Чтоб надела мину скорби,
Чтоб ходила, спину сгорбив,
Благодарна за пятак...
(«У поэтов всё не так...»).

Что ж, спасибо за заботы
О моём посмертном лоте.
Может, кто-то был бы рад...
А вот я – иного сорта:
Здесь хочу светло и гордо
Я возделывать свой сад.
Если нет, – какого чёрта!
Забирайте всё назад!

2015

Экспромт

Как я хочу пожить в стране,
Где всё надёжно, всё навеки –
Дома, дворцы, колонны, реки,
Как в старину...
Как в старине...

Хоть постоять...
Хоть в стороне –
В такой стране...
Моей стране...

2014

Из цикла «Стихи о сожженном городе»

1992-й год

Елене Куасашвили

...И всё же мы ходили в гости.
В том доме, за Верийской баней,
На лакированном помосте
Стоял фарфоровый, в тюрбане,
Румяный турок. На рояле
Цветы по-прежнему не вяли,
На улицах еще стреляли,
И лампа то и дело гасла.
Под бронзовый пуант Тальони
Наш друг подсовывал талоны
На сигареты, хлеб и масло...
А в банке из-под маргарина,
Под сенью – каменной – камина
Он разводил огонь для чая...
И ни за что не отвечая,
И не боясь, что наши речи
Нас уведут туда...далече...
Втроём мы коротали вечер...

В тот год – без мишуры и блеска –
Стал город ветхим и библейским,
И замер в ожиданье чуда...
Развалины лежали грудой
И говорили о войне –
Войне, которую впервые
Хлебнули улочки кривые,
Войне, убийственной вдвойне:
Наперекор речам и тостам,

Так больно, так предельно просто,
На берегах Куры-реки
Друг друга били свояки.

...А иногда случалось чудо:
В тот год, под осень, ниоткуда,
На небе, небывало синем,
Вдруг возникала птичья стая
(Из-за отсутствия бензина
Туман над городом растаял).
Проделав необъятный крюк,
Она сквозь нас неслась на юг,
На целых полчаса, не менее,
Нас обрекая на затмение...
Ведь век такого не бывало!
И, как бывает в безвременье,
Давалось время нам навалом,
Как после длинного семестра...
Ещё он жив был – гений места,
И был по-прежнему умён,
И, как всегда, остёр на слово.
Он помнил тысячи имён
Людей из времени былого.
Не только имена людей,
Он знал (уму непостижимо!)
Названья улиц, площадей
(При всех властях, при всех режимах!),
Почём в такой-то год аршин
Сатина, ситца, кашемира,
Забытых городом и миром
Купцов и цеховых старшин.

Он в бывшем «Лондоне» туманном,
Вертя фонариком карманным,

Мог вырвать из небытия:
Двух-трех приезжих, гору кладь,
Камин чугунного литья,
Слугу с прибором для бритья,
И даже Гамсуна в халате...

Еще он жив был, гений места...

2011

Вы во Флоренции спасались от чумы
И спрятались навеки в старом томе.
Вам хорошо, вы спасены, вы в доме,
И возле вас все лучшие умы...

А город мой – один сплошной перрон.
Как это описать, каким таким пером,
И кто прочтет, запомнит кто, Боккаччо...
Сползает город
 медленно
 с ума,
И слепо смотрят окнами дома,
Но я в них не живу,
Лишь изредка... маячу...

2012

Театр

Потянет прохладой со сцены пологой,
И легкой тревогой подёрнется небо,
Появится вестник и прямо с порога
Озвучит начальные строки Пролога,
И ты уже веришь во всю эту небывль...

Ты с тем и пришёл, чтобы сходу ввязаться
В раздоры и распри былых лихолетий,
И всласть надышаться Великим эрзацем,
Поверить, что нет в этом мире мерзавцев,
Шутов и героев живее, чем эти...

Ты здесь со своими... иди и скитайся
С несчастным безумцем, свободен, как птица, –
Тут годы не встанут стеною китайской,
Тут всё по-другому... тут можно пробиться...
Хотя бы на время. Оно на билете...
А в час, когда небо сольется с горою,
Ты снова вернешься из мрака столетий
Туда, где уже не рожают героев...

Пройдешь по верхам – вереницею улиц –
По самым верхам – несмотря на усталость.
Вы с веком текущим давно разминулись,
Но там – во дворах –

ещё что-то осталось...

2015

Лети легко. Всё главное – за мной:
Весь твой рассказ... Он набран поминутно –
От сих до сих: все сумерки, все утра,
Любой твой день, весь твой расклад земной;
И даже то, что вырывал у мглы
Случайный ответ: имя полустанка,
Дворы, ограды, крепости останки,
Дома и люди, щели и углы;
Нерукотворные – весенний дух и гром, –
Всё это мы разложим, разберём...
О, как мы развернёмся на том свете!
 Там взрослых нет...
 Все взрослые – там дети...

2013

Театр (отрывок)

...То смехом давиться, то диву даваться,
И тихо уйти, до звонка, до оаций...

Или остаться... заранее зная –
Финалы опасны, и не показная
В них может быть гибель,
А нечто такое,
Что не отвести
Ни щитом, ни рукою...
И это отнюдь не колодки и плети,
И прочая мелочь былых лихолетий...

И всё же финалы не столь уж опасны,
Коль вовремя вспомнить про выход запасный –
Сквозь тьму переборок, сквозь сумрак и морок,
В прохладную мглу театральных задворок,
К чугунным воротам – на гул голосов –
А там уже сам отодвинешь засов.
И пусть не сулит он покоя и выгод,
Какой бы он ни был,
он всё-таки выход...

2015

...А эту строку я пером полосну,
А эту оставлю – встряхну, сполосну...
А эту блесной отложу на весну...

Ох, и досталось же мне ремесло...
(А, кстати, какое сегодня число?
Поезд на запад? Последний перрон.
А встретит-то кто – Ариэль? Оберон?)
О чём это я? Да пока ни о чём...
А я ведь когда-то могла быть врачом,
Иль кем-то ещё... Но сказали мне: нет!
И вот я – поэт.
А муза моя то мягка, то строга,
Порой, как по маслу, несётся строка,
А следом другая... Не хватит бумаги!
И вдруг, как нарочно: ухабы, овраги...
Минуешь, и снова – коряги и рвы,
И стонет душа: не томи, оборви...
А я уже в небе: тепло, горячо!
Воздушные ямы! А мне нипочем...
Мне падать не страшно. Кричи не кричи, –
Такие ушибы не лечат врачи.
Ну, и досталось же мне ремесло!
И впрямь повезло...

Ох, как мне повезло...

2014

Варианты...

Зову я смерть...

В.Шекспир, 66-й сонет

...А ты не зови, сама придет,
Когда обветшает детство...
Жизнь не такое еще напрядет,
Будет на что наглядеться...

Пасть под обломками старой мечты –
Уснуть, как Ясон под «Арго», –
Смерть, она знает: таким, как ты,
Лучшего нет подарка...

...Кто-то решил мою жизнь задержать,
Слегка... до июльского пуха...
Сунул в карман мне немного денег
И шепотом – в ухо:
«Мы тоже не лыком... мы тоже творцы,
Но самое трудное – это концы, –
Размажешь, получится плоско.
А надо бы, как на подмостках:
Ярко! Размашисто! Хлётко...»

– Дай досмотреть... спокойно, без запарки,
Чем дело кончится, и что нас ждет в итоге, –
Мы заживём, как звери в зоопарке?
Мы станем совершенными, как боги?

– Гадай, гадай над выбором нехитрым:
Я червь? Я бог? А может – тварь лесная?
Вот потекут на белом фоне титры,
И мы узнаем,
Что-то да узнаем...

...Но лучше я заранее
Скажу про нашу участь:
Там, за последней гранью,
Никто не будет мучить,
Никто не станет жечь нас
Там, за последней вехой,
Там, на пороге в вечность,
Нас встретят взрывом смеха.
Там, за последней вехой, –
Не зная – ад ли? рай ли? –
Поймём – с каким успехом
Нас, бедных, разыграли...

...Все это очень хорошо...
Но еще лучше, мой дружок,
Отдав Всевышнему должок,
Поставить чашечку на блюдец,
Опять перечитать стишок
И сигаретой затянуться
В последний раз – на посошок...
Уйти в себя...
И не вернуться.

2010-2014

А когда пробьют отбой,
Всё твоё возьму с собой...

Ты своё назад вернёшь
И опять, под утро,
Выйдешь в небо и метнёшь
Новому, кому-то...

Ну, а я, легка, пуста,
Чище белого листа,
Полечу к просветам –
В лето? В осень? В никуда.
И не вспомню – никогда,
Что была поэтом...

2012

Содержание

К памяти (<i>ночь</i>)	5
О тех стариках	6
***О, не скажи	7
Богатство (<i>Из детства</i>)	9
***О том, что всё меняется, течёт.	10
XX век.	11
Подвал.	12
***День до сумерек не дожил.	13
Во двор! Во двор!.	14
***Где ширма с райскими цветами	15
Отрывок	16
Из детства	17
Муша (<i>подъем Белинского</i>).	18
Двор (<i>июль</i>)	19
***...Ад был в лавочке лудильщика	20
Новогоднее	21
Жук-навозник	22
Пингвины	23
Закат	24
Вещи.	25
***Как хорошо, что я могу мечтать	26
Сухой мост	27
***Всё, как ты любишь: вечер тих и мглист	28
Персидское консульство (<i>ул. Кереселидзе</i>)	29
***Всё хорошо, мой друг, всё хорошо	30
Весна	31

***В укор крутому веку	32
***Ну и выкинул коленце	33
Клену	34
***Слезу незванную утри	35
***Опять не зря заволновалась высь	36

Времена года

...И снова лето, снова зной	37
Прибрежная волна	37
Одуванчик.	38
Занавеска	38
***Море... солнце... чайки кружат...	38
***...Сад пропёкся и сомлел	39
***...Кыш, небо, кыш!	39
***...Всё отдаленней от предмета	40
***...Всё глуше голоса на пляже	40
***Туман невесомой поклажей	40
***...Еще октябрь...	41
***На небе ни одной звезды	42
Снег	42
Наша весна	43

Голуби	44
Как это было	45
***А нашу туту обкорнали	46
В раю	47
Ангел-хранитель	48
Осенние листья	49
Тост	50
***Отправили в путь, а спросить не успели	51
***...Так, значит, опять не понять и пенять	52
*** Умерь воображение, поэт	53
Сепия	54
В шестнадцать	55
*** И будет тебе весть	56
У трех сосен.	57
***Корабельщики, не плачьте	58

Дневной сеанс	60
***Она еще в силе, она еще длится	62
***Я продлеваю наслаждение	63
Душа и стих	64
Творчество	65
Стих	66
Утром	67
Душа	68
***Один лишь миг, и шум окрестный	69
***Разгар листопада... и липа не даром	70
***...И что это было: случайность? просчёт?	71
***Всё это мелочи... и главное не в этом.	72
Галактион	73
***Ты опять свою надела робу	74
Et in Arcadia ego.	75
Кинотеатр	76
Память	77
***Мужчины в мягких шляпах и в пальто	78

Из цикла «К памяти»

***Твой нынешний выбор мне мил и понятен	79
*** И снова – давний дождь	80
Школьное	81
*** Ты помнишь, как лебедя бросили.	82

Из цикла «Память»

***Из неведомой мне глуби	83
Лес (<i>другой</i>)	84
Книги	85
***Я знаю, мои дорогие предтечи.	86
*** Заболела, стала строгой	87
Птицы	88
Желание	89
Туман	90
Коджорский лес.	91

***Вот он и кончен – твой счастливый день	92
***Вернешься и думаешь: Эх, описать бы	93
***Мы смотрим фильмы о войне	94
Хандра	95
***...Что ж, ваш умысел мне ведом.	96
Экспромт	97

Из цикла «Стихи о сожженном городе»

1992-й год	98
----------------------	----

***Вы во Флоренции спасались от чумы.	101
Театр.	102
***Лети легко. Всё главное – за мной.	103
Театр (отрывок).	104
***...А эту строку я пером полосну	105

Варианты

...А ты не зови, сама придет.	106
***...Кто-то решил мою жизнь задержать	106
***– Дай досмотреть... спокойно, без запарки.	106
***...Но лучше я заранее	107
***...Все это очень хорошо...	107
***А когда пробьют отбой.	108

Паола Урушадзе

Salve...

СТИХОТВОРЕНИЯ

Автор выражает благодарность
Анне Шахназаровой, Михаилу Ляшенко и
Ирине Элиозовой за помощь, оказанную в
подготовке этой книги.

Оформление и компьютерная верстка
Ирины Элиозовой

Тбилиси 2015

Паола Урушадзе – автор стихотворных сборников “Сперва был сад...” (1986), “Тбилиси-Тифлиси” (2002), “Тбилисский тайник” (2007), “Сыграем. Осень” (2011). Стихи печатались в журналах “Литературная Грузия”, “Юность”, “Дружба народов”, “Русский клуб”, “Новый Ренессанс” и др.

А также в альманахах “Дом под чинарами”, “На холмах Грузии”, “Поэзия”, “Мансарда”, “Путь дружбы”.